

положения о цензуре лубочных изданий¹, приводит интересные сведения о стоимости гравированных книг и, наконец, показывает цельногравированную лубочную книгу как явление народной художественной культуры. Весьма важны приводимые автором владельческие записи на книгах, раскрывающие среду их бытования, отношение народа к цельногравированной лубочной книге, показывающие эту книгу как источник творчества народных мастеров художественных промыслов и иконописцев.

Подводя итоги своего исследования, О.Р. Хромов приходит к выводу, что цельногравированная лубочная книга представляет собой род книжного искусства (наряду с книгой рукописной и печатной), тесно связанный с народным искусством. Оставляя в стороне официальную, научную и профессионально-учебную цельногравированную книгу, автор все свое внимание сосредоточивает на книге лубочной, выделяя такие ее виды, как синодик, сказки, описание Иерусалима и прочие книги. Автор совершенно справедливо рассматривает цельногравированную лубочную книгу как этап в развитии культуры от средневековья к новому времени и как условие появления современных народно-массовых изданий. За пределами своего исследования О.Р. Хромов сознательно оставляет проблемы взаимосвязи лубка с классической русской литературой XIX–XX вв. и влияния лубка на художественную культуру нового времени и на книгу этого периода. Дальнейшую задачу работ в этой области автор видит в составлении свода русской цельногравированной лубочной книги в собраниях России и других стран на основе единой методики описания и такой классификации, которая позволит каждый новый экземпляр книги поместить в положенное ему место.

Книга хорошо издана, содержит 55 иллюстраций (в том числе и цветные). Правда, в книге отсутствует ставший уже привычным в научных изданиях именной указатель. Жаль только, что «обложечное» название книги («Русская лубочная книга XVII–XIX веков») оказывается гораздо шире ее истинного содержания: ведь автор совсем не рассматривает *печатную* лубочную книгу, составляющую главный массив лубочной литературы XVIII–XX вв. Видимо, желая избавиться от пространного, трудночитаемого и непонятного массовому потребителю термина «цельногравированная лубочная книга», оформитель рецензируемой книги В.Ю. Яковлев и ее автор волей-неволей дезинформируют рядового читателя относительно истинного содержания этого интересного и заслуживающего самой высокой оценки исследования.

Примечание

¹ См.: *Воронина Т.А.* Русский лубок 20–60-х годов XIX в.: производство, бытование, тематика. М., 1993 и рецензию на эту книгу: *Пушкарёв Л.Н.* Т.А. В о р о н и н а. Русский лубок... // *Этнограф. обозрение.* 1995. № 3. С. 167–169.

Л.Н. Пушкарёв

© 2000 г., ЭО, №4

Фольклор удэгейцев. Ниманку, тэлунгу, ехэ. Сер. «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Т. 18. Новосибирск, 1998. 560 с.

Рецензируемая книга представляет собой очередной том серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», издаваемой с 1990 г. коллективом научных учреждений Сибирского отделения РАН. Выход в свет издания удэгейского тома серии, второго по счету из томов, посвященных фольклору малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, – удачный повод не только для того, чтобы обозреть столь монументальную публикацию фольклора удэгейцев, но и для обсуждения проблемы тактики и стратегии собирания, изучения и публикации образцов устного народного творчества народов Крайнего Севера.

Новый том включает 41 сказочный текст, 19 текстов преданий, 14 образцов песенного творчества удэгейцев, представленные вниманию читателей и исследователей на удэгейском языке и в русском переводе. В качестве приложения опубликованы 50 кратких текстов на русском языке – фольклорные материалы, записанные у удэгейцев в начале XX в. В.К. Арсеньевым (с. 428–515). Эти материалы снабжены объемной и содержательной вступительной статьей и примечаниями, подготовленными М.М. Хасановой.

Во вступительной статье «Удэгейские ниманку, тэлунгу, ехэ» (авторы Е.П. Лебедева, М.М. Хасанова,

М.Д. Симонов, В.Т. Кялундзюга, с. 12–40) даются общие историко-этнографические сведения об удэгейцах, об истории изучения и жанровом составе удэгейского фольклора. Статья «Фольклорная музыка удэ» (автор Ю.И. Шейкин, с. 41–72) содержит описание музыкального компонента удэгейского фольклора. Данная статья, представляющая собой самостоятельное исследование удэгейской народной музыки, – одна из лучших в рецензируемом томе.

В отдельный раздел выделены комментарии и примечания к публикуемым текстам, составленные названными выше четырьмя авторами тома (с. 351–427). Комментарии содержат информацию об исполнителях и собирателях, сведения об известных вариантах текста в материалах по удэгейскому фольклору и в фольклоре других тунгусо-маньчжурских народов, примечания текстологического, лингвистического и этнографического характера.

В Приложениях помимо уже названных фольклорных материалов В.К. Арсеньева помещены словарь удэгейских этнографических терминов и удэгейско-русский указатель к словарю (с. 516–531), сведения об информантах, у которых собирались сведения для этнографического словаря и комментариев (с. 532), очерк «Орфография удэгейского языка» (с. 533–536), библиография (с. 537–545), список сокращений (с. 546–547), содержание и комментарии к компакт-дису, приложенному к тому.

К числу несомненных достоинств рецензируемого коллективного труда относится то, что с его изданием в научный оборот вводится значительный по объему корпус удэгейских фольклорных текстов на языке оригинала с русским переводом, а также дополнительные лингвистические материалы по удэгейскому языку, представленные в этнографическом словаре, и фольклорные материалы из полевых записей В.К. Арсеньева. Самостоятельную ценность имеют музыковедческая статья Ю.И. Шейкина и компакт-диск, на котором воспроизводятся 24 музыкальных фрагмента, текст или нотировка которых частично воспроизведены в рассматриваемом издании. На компакт-диске, как явствует из его содержания, воспроизведено удэгейское шаманское камлание, записанное в 1978 г. Необходимо также отметить весьма тщательно выполненное транскрибирование удэгейских текстов и высокое качество их русского перевода, который сочетает в себе необходимую точность и высокую степень эквивалентности в передаче оригинала и стилистическое изящество, с которым удэгейский текст воспроизводится в переводе средствами русского языка.

Вместе с тем рецензируемое издание не лишено некоторых недостатков, которые, однако, трудно поставить в вину большей части авторского коллектива, ибо замечания рецензентов в отношении данного тома, очевидно, будут справедливы по отношению и к другим томам серии, и, к сожалению, эти недостатки могут проявиться и при публикации новых томов, посвященных фольклору малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока.

Из вопросов, которые нам хотелось бы вынести на обсуждение, прежде всего необходимо обратить внимание на то, что из 60 образцов прозаического фольклора, включенных в том, 50 текстов составляют материалы из фольклорного собрания В.Т. Кялундзюги – местного знатока и любителя-собираателя фольклора, и только 10 текстов записаны другими собирателями-фольклористами (Е.Р. Шнейдером – 2, Е.Н. Баскаковой – 2, Ю.И. Шейкиным – 4, экспедицией Института истории, филологии и философии – 1; запись одного текста приписана удэгейскому писателю Джанси Кимонко). Иными словами, это означает, что авторы данного тома, как и составители томов серии, явно отдают предпочтение публикации отдельных собраний образцов фольклора, которые имеются у собирателей (чаще всего представителей того или иного сибирского этноса или близких к ним людей) в почти готовом виде, и в минимальной степени используют новые полевые материалы, в том числе и материалы собственных экспедиций и полевых сборов.

Данный подход к первичному формированию авторского коллектива, определению источников материалов и составлению основного корпуса фольклорных текстов по отдельным малочисленным народам Сибири весьма выразительно отражается на составе публикуемых текстов. Из 41 сказочного текста, вошедшего в рецензируемый том, не менее 12 текстов, т.е. более четверти, имеют варианты в сборниках удэгейских сказок, изданных в разные годы на русском языке писателем Б. Можаявым (они учтены в Библиографии). Книги Б. Можаява были изданы в 1950-е годы, т.е. ранее того времени, когда В.Т. Кялундзюга, если верить комментариям к текстам, начала составлять свое собрание удэгейского фольклора. Напрашивается предположение, что русскоязычные фольклорные сборники оказали влияние на устную традицию удэгейцев и настоящий том содержит в какой-то мере уже вторичный фольклорный материал. Что же касается сборников Б. Можаява, то они, очевидно, отражают более раннюю стадию бытования удэгейского фольклора и не теряют своей значимости, несмотря на литературную обработку переводов.

Наконец, самым существенным фактором, заставляющим отнестись с известными сомнениями к составу собрания В.Т. Кялундзюги, положенного в основу тома, и к аутентичности публикуемых от ее имени материалов (хотя все они и снабжены указаниями на исполнителей), является то, что в этом собрании полностью (!) отсутствуют варианты текстов, причем это касается как тех фольклорных текстов, что печатаются по записям В.Т. Кялундзюги, так и тех текстов, которые публикуются в данном томе по записям других собирателей. Из практики известно, что отсутствие вариантов текстов в фольклорном собрании – в лучшем случае признак самозаписи собирателя; в худшем же случае отсутствие вариантов побуждает рассматривать публикуемые тексты из собрания В.Т. Кялундзюги как воспроизведение текстов, ранее изданных по-русски, или как импровизации на удэгейские фольклорные мотивы.

Показательно, что из включенных в данный том 13 сказок, варианты к которым не приведены в комментариях (это означает, что соответствующие варианты отсутствуют у всех тунгусо-маньчжурских народов), только 2 текста записаны Ю.И. Шейкиным, а остальные 11 с уникальными сюжетами составляют материалы В.Т. Кялундзюги, которая известна многим и как писательница (с. 19). Странно и то, что более никто из членов авторского коллектива тома не записывал удэгейский фольклор для данного издания самостоятельно.

Если сказочный материал, несмотря на отмеченные выше особенности корпуса издания, все же позволяет составить довольно полное представление о сказках удэгейцев, то предания-*тэлунгу* и другие образцы несказочной прозы представлены в основном составе рецензируемой книги довольно невыразительными образцами. Это в основном этнографические рассказы о том «как жили раньше», среди которых помещены подборки образцов малых фольклорных жанров – загадок (№ 47а, с. 305–307) и запретов-оберегов (№ 51, с. 312–315). Собственно преданий среди текстов, отнесенных к удэгейским тэлунгу, в основном корпусе книги мы почти не находим, и из образцов несказочной прозы представляют интерес лишь три предания (тексты № 52, 54, 55), один мифологический рассказ (текст № 58) и два рассказа-былички (тексты № 59, 60). Недостаток образцов несказочной прозы в основном корпусе книги компенсируется значительным числом текстов этого жанра среди материалов В.К. Арсеньева, где всего 14 текстов представляют сказки (с. 440), а остальные тексты относятся к преданиям и мифам.

Комментарии к отдельным текстам в рецензируемом томе достаточно информативны. Сравнительный анализ сюжетов и мотивов, содержащийся в них, учитывает материалы по фольклору орочей, ороков, негидальцев, нанайцев и других тунгусо-маньчжурских народов. Однако в ряде случаев комментарии могли бы быть существенно дополнены по давно находящимся в научном обороте и хорошо известным материалам. Это относится к сказке «Чинчиба» – «Синица» (текст № 3, комментарии на с. 353–354) – докучной сказке, различные варианты которой хорошо известны по авторитетным изданиям эвенского и эвенкийского фольклора, и которая бытует также у эскимосов и чукчей. Весьма интересен текст № 18, рассказывающий о браке человека с хозяйкой моря, имеющей облик самки тюленя. Аналогии ему в фольклоре чукчей и азиатских эскимосов широко известны по художественной обработке Ю. Рытхэу («Когда киты уходят»), однако в удэгейской версии привлекает внимание ролевая инверсия: речь идет не о браке женщины с хозяином моря, а о браке мужчины с хозяйкой моря (сходные по структуре версии о браке мужчины, превращающегося в «горного человека», с медведицей зафиксированы у нивхов). Текст № 12 (с. 106–111) – описание шаманского камлания для предсказания будущего – мог бы послужить источником материала для описания шаманской практики удэгейцев (один сходный текст записан у эвенов, но издан без русского перевода), однако в комментариях к этому тексту (с. 360–361) его шаманские мотивы охарактеризованы в минимальной степени и преимущественно в схематическом сравнительно-типологическом плане.

В комментариях к тексту «Сэлэмэгэ» (№ 20), который был записан основоположником научного удэгейеведения Е.Р. Шнейдером, допущена неточность, в которой, однако, виноваты не авторы тома, а отдельные недобросовестные публикаторы повторных изданий образцов фольклора народов Севера. Русский перевод этой сказки, подготовленный к печати В.И. Цинциус, разумеется, не может указываться в качестве варианта к записи Е.Р. Шнейдера, как это сделано в рассматриваемом издании (с. 375). Перевод, о котором идет речь, был напечатан в сборнике «Сказки народов Севера» (М.: Л., 1951, с. 392–399), где в комментариях (с. 636) имя собирателя Е.Р. Шнейдера не указано, но имеется оговорка, что для данного издания текст этой сказки подготовлен В.И. Цинциус. Комментаторы рецензируемого тома оказались введенными в заблуждение перепечаткой сказки «Сэлэмэгэ», включенной в составленный В.М. Санги сборник «Легенды и мифы Севера» (М., 1985), в котором паспортные данные многих текстов неполны или неточны, а сами русские переводы текстов «отредактированы» в угоду вкусам и представлениям составителя. Досадно, но сборник «Сказки народов Севера» 1951 г., сохраняющий и ныне ценность как источник малодоступного материала, вообще не упомянут в Библиографии, хотя в нем помещены четыре удэгейские

сказки, записанные Ю. Шестаковой от разных лиц, в том числе от удэгейского писателя Джанси Кимонко (с. 379–392). Из числа литературы, имеющей отношение к удэгейскому этносу, в Библиографии не учтена также книга биолога-охотоведа Ф.Р. Штильмарка «Таежные дали» (М., 1972, 2-е изд. – М., 1976), содержащая некоторые этнографические подробности из обрядности удэгейцев.

Тема особого разговора – раздел «Орфография удэгейского языка» (с. 533–536), включенный в рассматриваемое издание. Во-первых, то, что составляет содержание этого раздела, а именно алфавит и правила обозначения звуков на письме, относится не к орфографии (правилам написания слов), а к другому разделу теории письма – графике. Во-вторых, сам удэгейский алфавит в том варианте, который использовался при подготовке издания, по сложности и нетехнологичности более соответствует статусу научной фонологической транскрипции, но не статусу общепотребительного алфавита. В нем использован знак [ъ], заимствованный из сербской графики, однако сербский знак [ъ], который ранее также предлагался к введению в алфавит, в данном издании заменен на диграмм [ль]. В-третьих, использование четырех дополнительных алфавитных знаков и трех знаков с диакритикой, которые не имеют буквенного статуса, в принципе исключает возможность «не противоречить навыкам письма на русском языке» как условия, закладываемого в основу нового алфавита (с. 534, 535). Это условие могло бы быть выполнено, если бы дополнительные знаки в удэгейском алфавите отсутствовали или были бы представлены минимально. В-четвертых, само по себе данное издание как бы призвано служить средством легитимизации данного варианта удэгейской графики, который до этого вообще не имел сколько-нибудь авторитетной апробации, в противоположность другим вариантам – например, тому, который был предложен в середине 1980-х годов О.П. Суником и одобрен издательством «Просвещение».

Недостатком комментаторской работы выглядит и то, что в примечаниях отсутствуют сведения о жанровом и сюжетном составе удэгейских фольклорных текстов в других собраниях, материалами которых пользовались составители или которые были им доступны (назовем здесь публикации Е.Р. Шнейдера, собрания И.А. Лопатина, Е.Н. Баскаковой, Ю.И. Шейкина, Л.И. Сем, материалы А.Х. Гирфановой).

Неоднородность авторского коллектива, куда наряду с одаренными исследователями среднего поколения (М.Д. Симонов, М.М. Хасанова) входят ученые самого старшего научного поколения (Е.П. Лебедева), а также представители той среды коренных народностей Сибири (В.Т. Кялундзюга), на выходцев из которой старшее поколение языковедов обычно ориентировалось в своей работе как на двуязычных информантов и помощников-переводчиков, послужила причиной некоторых недостатков вступительной статьи и комментариев. К их числу относится этимологизирование удэгейских названий фольклорных жанров, в особенности привязывание слова *ниманку* «сказка» через эвенкийский язык к глаголу *нимн"а* – «камлать» (с. 21). По фольклорным текстам на всех тунгусо-маньчжурских языках известно, что материал тунгусских сказок не подтверждает связи сказки с шаманским обрядом даже как потенциально возможной – на основании созвучия этих слов остается разве что трактовать исполнение любого фольклорного нарратива как сравнимое с пересказом шаманского видения (отметим, что эвенкийский глагол *тан"дай* «пересказывать шаманское видение» в современном эвенском языке имеет значение «читать»).

Несколько излишне, во вкусах отечественных североведов 1930-х–1950-х годов, во вступительной статье и комментариях подчеркиваются мифологическая основа удэгейского повествовательного фольклора, социальная значимость сюжетов и «тотемический» характер некоторых мотивов (например, мотив брака человека и животного). Подобные построения имеют некоторую ценность для историко-типологического изучения фольклора, но надо откровенно признать, что в настоящее время они служат серьезной помехой в изучении сюжетного репертуара и формальной структуры фольклорных текстов, а также во многом затемняют факты миграции сюжетов и мотивов, чем создают препятствия в изучении ареальных связей между этносами в области фольклора. Несмотря на то что в данном томе, как и в других томах серии, прослеживается некоторое злоупотребление традиционными народными жанровыми наименованиями от излишнего доверия к ним при работе с материалом до вынесения на обложку фундаментального академического издания (то же самое имело место в томе нанайского фольклора, изданном в 1996 г.), надо отметить как положительный момент в исследовании народной жанровой терминологии нестандартное сближение удэгейского названия песни *ехэ* с эвенкийским названием кругового танца *ехэр* (с. 24).

Из эдиционных небрежностей тома отметим искажение инициалов В.Я. Проппа (с. 21) и неупорядоченное словоизменение удэгейской фамилии Кялундзюга в паспортных данных текстов, где она то склоняется (Кялундзюгой, Кялундзюги и т.п.), то выступает как несклоняемая. Раздел «Комментарии» очень неудачно сверстан: примечания к текстам отделены пробелами и заголовком от паспортных данных текстов, однако

при этом комментарии к отдельным текстам ничем не разделены, так что паспортные данные каждого последующего текста при зрительном восприятии сливаются с комментариями предыдущего текста.

Новый том удэгейского фольклора существенно расширяет представление об устном творчестве удэгейцев и, что ценно для лингвистов, вводит в научный оборот новые текстовые и словарные материалы. Однако, будучи частью столь престижной серии публикаций фольклорных текстов, он не превосходит, а в чем-то даже уступает книге И.В. Кормушина «Удэгейский (удэгейский) язык» (М., 1998), где опубликовано 19 сказок и преданий удэгейцев, выборочно извлеченных из богатого собрания автора. Судя по их номерам, в собрании И.В. Кормушина имеется более 50 удэгейских фольклорных текстов, а это означает, что составителям тома остался недоступен материал, соизмеримый по объему с изданным ими корпусом удэгейских сказок и преданий, но превосходящий его по степени достоверности (тексты И.В. Кормушина записаны на магнитофон им самим непосредственно от исполнителей).

Очевидно, при работе над дальнейшими томами серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» редколлегии и авторским коллективам будет необходимо уделять больше внимания аутентичным собственным полевым записям и в меньшей степени использовать любительские собрания, самозаписи, архивные материалы и ранее опубликованные тексты. При этом в томах, работа над которыми длится по 15–20 лет, публикуются не столько новые полевые материалы, сколько самозаписи (например, эвенкийские эпические сказания) или архивные записи (бурятский эпос), работа над которыми должна была занять несравненно меньшее время, нежели обработка полевых сборов. В настоящее же время работа новосибирских фольклористов, работающих над названной 60-томной серией, выглядит сравнимой с трудом золотоискателя, который ищет только самородки размером не менее чем с булыжник в виде «эпохальных» эпических полотен, или же опустошает накопленные самой природой «карманы» собраний местных любителей или не вполне квалифицированных собирателей, проходя мимо богатейших россыпей золотой пыли, которую представляет собой массовый фольклорный материал, и не замечая золотых жил фольклорного репертуара одаренных исполнителей, не владеющих или слабо владеющих русским языком.

За 9 лет, минувших со времени выхода в свет первых томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», весьма рельефно обозначилось то место, которое занимают эти публикации в изучении фольклора того или иного народа. Книги серии издаются с опозданием на 10–15 лет – по первоначальному плану, ее издание должно было быть завершено к 1990 г., в то время как в этот год были изданы лишь первые тома. Авторы многих томов, посвященных фольклору народов Севера, работают над своими материалами уже почти 20 лет, и этот труд пока не обещает ни скорого завершения, ни триумфального успеха всего предприятия.

И рецензируемый том, и столь затянувшаяся работа над другими книгами по фольклору малочисленных народов Севера, свидетельствуют, что надежды на авторов из среды этих народов как на знатоков и хранителей уникальных образцов традиционного фольклора, увы, не оправдались. Не сбываются надежды и на то, что тома серии станут настольными книгами для фольклористов: эти издания прочно занимают свои позиции на книжных полках и используются в ограниченном объеме для справок или сравнений.

В качестве прогноза можно высказать мнение, что подготовка достаточно полного корпуса фольклорных текстов для любого из малочисленных народов Севера – например, в формате серии «Сказки и мифы народов Востока», пользующейся заслуженным признанием у фольклористов и этнографов, – оставит за 60-томником скромный статус источника языкового материала. Однако мы должны оговорить, что в отношении фольклора тунгусо-маньчжурских народов и других малочисленных народов Севера, несмотря на явное неблагополучие языковой и этнокультурной ситуации, редколлегия серии имеет шансы пересмотреть состав томов, посвященных фольклору отдельных народов, и привлечь других специалистов для работы над теми томами, авторские коллективы которых не располагают необходимым количеством материалов и работа над которыми затягивается. Авторские коллективы отдельных томов, находящихся в работе, также располагают некоторым временем для того, чтобы оптимизировать работу над столь ответственным материалом, как образцы фольклора на исчезающих языках народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

А.А. Бурыкин